

динамика роста импакт-фактора издания в РИНЦ (1,008 за 2015 г) и его цитируемость в Международных базах SCOPUS, WoS и др .

Я поздравляю всех специалистов в области биоэтики и всех, кто разделяет ее принципы и нормы с праздником – Всемирным днем биоэтики! Не сомневаюсь – если принципы биоэтики станут моральной максимой каждого живущего, мир навсегда избавится от страха, неуверенности, опасений за будущее своих детей, злобы и недоверия.

С праздником доброты!

Литература:

1. Доника А.Д. Медицинское право: европейские традиции и международные тенденции // Биоэтика. № 2(10). 2012. С.54-55.
2. Доника А.Д. Проблема формирования этических регуляторов профессиональной деятельности врача // Биоэтика. 2015. № 1(15). С.58-60.
3. Петров А.В. О необходимости этического осмысления социологических исследований в медицине / А.В.Петров, Р.А.Аванесян // Биоэтика. - 2015 . № 1(15) - С.53-55
4. Седова Н.Н. Этические гарантии доказательности клинических испытаний // Биоэтика. – 2008. - № 1 – С.16-21.
5. Шипунов Д.А. Дихотомия клинических и этических решений в медицине/ Д.А.Шипунов, Н.Л.Мальцева // Биоэтика. – 2015 . № 1(15) - С.38-39.
6. Zhura V.V., Rudova Yu.V. Bioethical aspects of medical discourse // Биоэтика. 2016. № 1 (17). С. 42-46.

Referenses:

1. Donika A.D. Medicinskoje pravo: evropejskie tradicii i mezhdunarodnye tendencii // Bioetika. № 2(10). 2012. S.54-55.
2. Donika A.D. Problema formirovaniya ehlicheskih reguljatorov professional'noj deyatel'nosti vracha // Bioetika. 2015. № 1(15). S.58-60.
3. Petrov V.I. Bioetika i personalizirovannaya meditsina// Bioetika.- 2014 . # 2(14) - S.5-6
4. Sedova N.N. Eticheskie garantii dokazatel'nosti klinicheskikh ispytaniy // Bioetika. – 2008. - # 1 – S.16-21.
5. Shipunov D.A. Dihotomiya klinicheskikh i eticheskikh resheniy v meditsine/ D.A.Shipunov, N.L.Maltseva // Bioetika. – 2015 . # 1(15) - S.38-39.
6. Zhura V.V., Rudova Yu.V. Bioethical aspects of medical discourse // Биоэтика. 2016. № 1 (17). С. 42-46.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БИОЭТИКА

УДК 17.023

ЭТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "НОМО PERFECTUS": от биоэтики к техноэтике¹

Н.Н.Седова

доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий Отделом этической, правовой и социологической экспертизы, ГБУ «Волгоградский медицинский научный центр», заведующий кафедрой философии, биоэтики и права ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет» г.Волгоград, nns18@yandex.ru

В статье эксплицировано несоответствие оригинального термина «human enhancement» его русскоязычному переводу как «улучшение», а не «совершенствование» человека, что привело к аксиологизации описываемого данным термином феномена. В то же время, операциональный контент термина «совершенствование» позволяет преодолеть многие, озвученные в научной литературе, моральные затруднения в апологетике применения технологий "human enhancement". Откровенный релятивизм термина «улучшение» препятствует получению объективных данных о количественных и качественных показателях процесса совершенствования. Технологии "human enhancement", понимаемые как технологии совершенствования человека, являются результатом эволюции всех предыдущих и нынешних антропных технологий, но существует, не известная пока, мера их применения, перейдя которую человек, действительно, приобретет новое качество. Для биоэтики важен моральный статус этого совершенного человека. Очевидно, что, обладая, в большей степени, признаками техногенного вида, чем вида животного, он станет и создателем-носителем новой системы нравственных ценностей, в которой техническая «система жизнеобеспечения» будет представлять центральную ценность, а сохранение природных характеристик будет иметь прикладное значение. Это можно трактовать как улучшение с позиций Ното Perfectus и как ухудшение (деградацию) с позиций современной биоэтики. Альтернативой может быть не техногенное, а био- совершенствование, т.е. реализация природной программы саморазвития живого. Но для этого человечество не обладает пока достаточными знаниями, а коммерческие интересы требуют ускоренного прогресса технологий, но не фундаментальной науки.

Ключевые слова: технологии «human enhancement»,

ETHICAL PORTRAIT " HOMO PERFECTUS": from bioethics to technoetic

Sedova Natalia

Doctor of Science (Philosophy), Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Department of Ethical, Legal and Sociological Expertise of the Volgograd Medical Research Center, Head of Department of Philosophy, Bioethics and Law of Volgograd State Medical University, Volgograd, nns18@yandex.ru

This article makes explicit the discrepancy between the original term "human enhancement" and its Russian translation. "Enhancement" is interpreted as improvement and not perfection. At the same time, the operational content of the term "perfection" makes it possible to overcome the numerous ethical issues of the use of "human enhancement" technologies highlighted in the scientific literature. Apparent relativism of the term "improvement" hinders the generation of quantitative and qualitative evidence of perfection. "Human enhancement" technologies regarded as human perfection technologies result from the evolution of all the previous and current anthropic technologies, but there is an extent to which they can be applied after which a person can acquire a

¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ №15-18-30057

new quality. The moral status of the "Homo Perfectos" is very important for bioethics. Obviously, having more features of a technogenic species than those of a biospecies, it will create and share a new system of moral values, in which the technical "life support system" would represent the major value, and the preservation of natural features will be of applied value. This can be interpreted as the improvement from the viewpoint of Homo Perfectus, and as degradation from the standpoint of modern bioethics. The alternative may be seen as bioimprovement, i.e. the implementation of the natural program of self-development of the living. But mankind does not yet have sufficient knowledge, while commercial interests demand accelerated advancement of technology, rather than fundamental science.

Key words: "human enhancement" technologies, extent, autonomy of the individual, perfect person, moral, good

1. Технологии "human enhancement" - технологии улучшения или усовершенствования?

Терминологическая путаница при переводе распространенного в западной литературе понятийного конструкта "human enhancement technologies" привела сначала к отождествлению в русскоязычной литературе понятий «совершенствование человека» и «улучшение человека», затем и к прямой замене «совершенствования» «улучшением». Естественно, вопрос о том, как относятся люди к технологиям «улучшения человека», вызывает положительную реакцию, поскольку «лучше» хочется быть всем. Следовательно, латентно заложенное в самом вопросе позитивное отношение к обсуждаемым технологиям, дает заданный результат, что не позволяет выяснить истинное положение дел. Вероятно, следует вернуться к обсуждению «основного вопроса» этики, сформулированного наиболее ясно, как это ни странно, поэтом: что такое «хорошо» и что такое «плохо»?

Владимир Маяковский не утруждал себя философскими построениями, а просто воспользовался традиционным поэтическим приемом образного мышления – перечислил примеры «хорошего» и «плохого». Теоретическая этика не может позволить себе такой роскоши, поскольку даже для аксиологического дискурса принцип фальсификации имеет ограничительный смысл при поисках правильного ответа. Естественно, простое перечисление примеров не удовлетворяет потребность в формулировке общих понятий добра и зла. В то же время, долгая и мучительная история поисков определения «плохого» и «хорошего» почему-то неизменно сводилась к констатации неких фактов проявления того и другого. Традиция эта родилась еще в раннем христианстве, ибо заповеди Иисуса – не что иное, как перечень подобных примеров. Возможно, дефиниции добра и зла, в принципе, нельзя сформулировать, поскольку не только Мефистофель, но и все мы «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» (Гете «Фауст»). Михаил Булгаков не случайно сделал эти строки эпиграфом к «Мастеру и Маргарите», поскольку калейдоскоп персон и судеб в романе все время приводит нас к мысли, что нет добра и нет зла, а есть двуликий Янус – «добро/зло». Хотя связь здесь, скорее, не на основе конъюнкции, а на основе бинарной импликации: добро влечет за собой зло, а зло влечет за собой добро.

Интерпретация шкалы ценностей «добро – зло» в отношении человека как биологического вида, обладающего сознанием, актуализирована в концепции медицинского блага [1], которое непосредственно связано с сохранением жизни и здоровья. Но если оно самоценно, то может выступать как зло для конкретной личности. Дело в том, что медицинское благо – лишь один из уровней персонифицированного добра. Другим

является личное благо, которое сугубо индивидуально и связано с персональными желаниями, установками, ощущениями. Так, например, для врача моральной максимой является сохранение жизни пациента, даже если он не в силах сохранить его здоровье. А для пациента инвалидность и беспомощность могут быть настолько выраженным злом, что смерть расценивается как благо. Многочисленные дискуссии об эвтаназии тому подтверждение. Более того, появляется генерация врачей, которые понимают, что медицинское добро может быть злом для пациента, если противоречит его представлениям о личном благо, и готовы поступиться профессиональными ценностями в пользу ценностей пациента [2]. Но такая установка может реализоваться или не реализоваться в их деятельности в зависимости от потребностей еще одного уровня блага – общечеловеческого, которое понимается как инвариант любых общественных связей и телеологично по отношению к главной ценности – сохранению человека как вида. Это - *prima-facie* биоэтики. Но, одновременно, это принципы естественного права. Многие из них закреплены в позитивном праве, выступая нормативными ограничениями автономии врача и, отчасти, пациента. Так, та же проблема эвтаназии имеет различные юридические решения в разных странах, поэтому врачи принимают решения в соответствии с действующими законами, даже если их выполнение влечет за собой нанесение вреда конкретному индивиду [3]. Считается, что общечеловеческое благо не подвержено социальной деконструкции, хотя со времен Гераклита известно, что нет ничего неизменного. Впрочем, степень изменений может быть настолько незначительна, что незаметна для наблюдателя. Некоторые авторы выделяют еще один уровень блага – духовное [1, 4]. Но здесь мы переходим из области позитивного дискурса в область вероятностей, допущений и предположений, что не позволит сформулировать какие-то конкретные выводы. Поэтому оставим рассуждения о духовном специалистам, и вернемся к решению поставленной задачи: являются ли технологии улучшения человека, действительно, благом? И, если да, то каким именно из перечисленных выше?

Очевидно, что технологии "human enhancement" увеличивают медицинское благо, так как позволяют не только достигать терапевтического эффекта, но и «исправлять ошибки природы» (генная терапия, ВРТ, экзопротезирование, имплантология, внешнее питание и т.д.). Но это – благо только для тех, кто в нем нуждается. Кроме того, не известно, как это благо совместимо с личными ценностями пациентов и какие разрешительные процедуры необходимы для его реализации без ущерба общечеловеческим ценностям. Не будет ли нарушен принцип справедливости? Как будет учтен принцип уважения автономии пациента? Какие законы должно принять общество, чтобы благо для одних не стало вредом для других? Что касается личного блага, то «добрые» новые технологии не рассчитаны на глобальную персонификацию. Да, в их перечень входит персонализированная медицина, но только в фармакогенетическом смысле, а не в смысле персонализации личностной коммуникации врача и пациента. Пока мы не можем сказать, как внедрение новых технологий будет встречено в обществе. Первые социологические исследования на эту тему показали столь низкий уровень информированности, как населения, так и профессионалов в этой области, что достоверных данных привычными социологическими методами получить не удалось [5]. Но очевиден

дифференцированный характер «улучшения человека», что не позволяет объединять рассматриваемые технологии в единую группу по критерию приносимого добра (блага). Поэтому вариант перевода обсуждаемого англоязычного конструкта как «технологии совершенствования человека» представляется более обоснованным.

Вывод 1. Экспликация несоответствия оригинального термина «human enhancement» его русскоязычному переводу как «улучшение», а не «совершенствование» человека, показала, что происходит аксиологизация описываемого данным термином феномена. В то же время, операциональный контент термина «совершенствование» позволяет преодолеть многие, озвученные в научной литературе, моральные затруднения в апологетике применения данных технологий. Откровенный релятивизм термина «улучшение» препятствует получению объективных данных о количественных и качественных показателях процесса совершенствования.

2. Автономия личности как мера совершенствования человек.

Вторым важным вопросом является соотношение количественных и качественных изменений, производимых технологиями «human enhancement». Он формулируется просто: до какой степени можно совершенствовать человека, чтобы он продолжал оставаться представителем биологического вида Homo Sapiens? И здесь оказывается, что апологеты внедрения новых технологий понимают совершенствование как увеличение степеней свободы личности [6, 7], что, в принципе, полностью соответствует пониманию автономии человека в биоэтике не как положительной, а как отрицательной свободы.

Как известно, со времен Канта многие философы и этики используют термины «свобода» и «автономия» как равнозначные, а иногда как отличные друг от друга понятия, точное значение которых может значительно изменяться в зависимости от автора. Полезный анализ понятия автономии был предложен Джоэлем Фейнбергом [8]. Он различал автономию как *способность*, автономию как *действительное состояние*, как *идеальный характер* и автономию, как *право* к наивысшему влиянию.

Согласно первому значению, автономия – это способность к самоуправлению, которая, как считал Фейнберг, зависит от умения делать рациональный выбор. Действительное состояние автономии относится к комплексу личных достоинств, «объединенных только семейным сходством, и связью, однако абстрагированных от нее и создающих идею самоуправления» [8, 31]. Автономия, как идеальная особенность, состоит из определённого сочетания достоинств, которые определяют действительное ее состояние. В этом смысле, как отмечает Фейнберг, «идеал автономных людей – это подлинная индивидуальность, чье самоопределение совершенно в соответствии с его потребностями и, конечно, принадлежность к обществу» [8, 45]. Чтобы описать автономию, как право, Фейнберг использует политическую метафору верховной власти национального государства. Право власти – это право управлять собой, право принимать решения и поступать в соответствии со своим собственным выбором без вмешательства других. Таким образом, в анализе Фейнберга, право автономии оказывается основным правом невмешательства, или, другими словами, отрицательной свободой.

По теории Дворкина, «быть автономным» – это значит находиться в идеальном равновесии между а) существованием под влиянием других людей, общества или культуры, и б) полностью независимым существованием [9]. Теория автономии Дворкина – это не просто нормативное нейтральное описание автономного состояния человека, т.к. в экспликации субъекта автономии для него самым важным было определить, в какой степени каждый должен быть независимым от других. Похожие взгляды на автономию, но с акцентом на ее динамичном характере, развивал Аджик [10].

Таким образом, измерением автономии как свободы, является уровень взаимозависимости личности и среды, включающей, прежде всего, других людей, также обладающих автономией. И в этом смысле, чем больше степеней свободы приобретает человек благодаря использованию технологий совершенствования, тем меньше он зависит от среды обитания, но! – тем больше он зависит от других людей. Эти люди – те, кто разрабатывает, апробирует и внедряет данные достижения. Следовательно, субъекты-создатели определяют границы автономии субъектов-носителей (потребителей). Очевидно, что используемые технологии являются артефактами, операции с которыми превращают самого их потребителя в технологический артефакт, элиминируя автономию личности. Возможно, и саму личность. Парадокс заключается в том, что свободным от среды обитания является только тот, кто в ней не обитает. Средой для него становятся другие, а ее системообразующим фактором – технологический инвариант их взаимодействий. Следовательно, достижение абсолютной свободы делает человека представителем не вида Homo Sapiens, а вида Homo Technicae. Он не автономен в том смысле, о котором говорилось выше. Он вообще не автономен, поскольку с породившей его средой обитания не связан, а от технологий и их авторов зависит полностью. Поэтому мерой перехода количественных усовершенствований человека в его новое качество является автономия личности, ее потеря как раз и означает переход в новое качество. Данному переходу нельзя дать ни позитивной, ни негативной оценки, потому что нового человека невозможно оценить с позиций старой этики, а принять новую мы пока не можем. Да и есть ли она?

Вывод 2. История человека как биологического вида, описываемая в терминах автономии личности, представляется долгой дорогой от полной несвободы от среды и сородичей – к достижению автономии личности как баланса между природными ограничениями, ожиданиями и влияниями других людей и собственным правом принятия решений. С появлением технологий совершенствования человека начался новый этап: от осознания и реализации личной автономии к полной независимости от среды обитания и законов природы, и столь же полной зависимости от технологических артефактов и их креаторов. Утрата автономии является маркером перехода к новому виду.

3. Эволюционный вариант «улучшения человека»

Переход к новому качеству – чисто теоретическое предположение, поскольку смысл внедряемых сегодня технологий «human enhancement», действительно, только в улучшении – здоровья, лица, фигуры, качества жизни, наконец. Если говорить о тех технологиях, которые применяются в медицине, то к их оценке вполне применимы нормы традиционной

биоэтики. Так, например, вспомогательные репродуктивные технологии помогают семейным парам, которые имеют проблемы связанные с зачатием ребенка, независимо от того, касается ли эта проблема мужчины или женщины или их обоих. Многим бесплодным парам эти технологии дают возможность значительно увеличить свои шансы на то, чтобы родить ребенка. Или генетическое тестирование. Анализ генетических характеристик индивидуума позволяет, в частности, выявлять аномалии развития, вследствие которых случаются болезни и нарушения. Аномалии развития можно выявлять с помощью генетического теста: получаемая информация позволяет подтвердить диагноз генетического заболевания человека, у которого проявляются симптомы такой болезни. С его помощью можно также делать прогноз, представляя информацию о риске развития у определенного человека заболевания, которое еще не проявилось, либо передачи аномалии его детям. Широкое развитие получила дентальная имплантология, развивается экзопротезирование.

Особое место занимают технологии улучшения человека в эстетической медицине, услугами которой раньше пользовались только женщины, но с распространением аппаратной косметологии в числе потребителей ее услуг становится все больше мужчин. Новые технологии активно приветствуются не только больными, но и вполне здоровыми людьми, которые хотят долго-долго оставаться молодыми и красивыми. И термин «улучшение» как нельзя больше подходит именно для этих технологий. Но они, во-первых, не меняют сущность человека, а только «исправляют погрешности» организма. Тот же самый экзоскелет не представляет из себя чего-то принципиально нового, а является очередной ступенью в развитии реабилитационных медицинских средств. Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) остается именно оплодотворением, природная сущность которого не меняется из-за изменения пути сперматозоида к яйцеклетке с естественного на искусственный. Внедренные уже в практику технологии улучшения человека не элиминируют его автономию и полностью соответствуют принципу биоэтики «делай добро», но только потому, что являются естественным продолжением или даже ускорением эволюции человека как живого вида.

В то же время, как реакция на возможные нарушения принципа «не навреди» и принципа справедливости, формируются социальные регуляторы, которые препятствуют их бесконтрольному развитию. Так, изучение генетических характеристик, независимо от результатов, может привести к серьезным последствиям в жизни индивидуума. "Выявление" риска для здоровья у человека может изменить его взгляд на свое существование и на то, как другие люди и общество его воспринимают. Результаты генетического тестирования отличаются от других типов медицинской информации, так как: они могут затрагивать интересы других членов семьи, часто являются прогностическими и очень часто указывают на вероятность, а не на определенность. Следовательно, ужесточается регламентация доступа к генетической информации, что требует имплементации новых норм – уже не этических, а правовых.

Большие вопросы вызывает статус матери и/или отца в ситуации донорства эмбрионов, суррогатного материнства или отцовства. И здесь моральные нормы закрепляются как нормы

юридические в связи с содержанием вреда, который может быть нанесен личности.

Что касается эстетической медицины, то здесь другие проблемы – уровень ее коммерциализации несравненно превышает уровень эффективности. Кроме того, растет количество случаев нанесения вреда неквалифицированными действиями.

До тех пор, пока не будут разрешены моральные и юридические проблемы применения новых технологий, вряд ли стоит ожидать каких-то качественных изменений в них. Так, например, при накопленном большом опыте генетического тестирования, методы геной терапии пока широко не применяются, хотя 2.11.2012 г. Еврокомиссия впервые разрешила выпуск и продажу в ЕС лекарства нидерландской компании UniQure на основе генотерапии для лечения тяжёлого генетического заболевания — липопроteinолипидной недостаточности [11]. Стоимость лекарства составляет 1,6 млн долларов США, что является рекордом за всю историю медицины. С 2012г. на территории России продается препарат для лечения атеросклероза сосудов с помощью местной генотерапии. Стоимость одной упаковки ≈ €100000. В 2013-м году в мире было разрешено к клиническому применению всего пять генных препаратов: три для лечения злокачественных новообразований, четвертый — глибера, для лечения редкого наследственного заболевания — дефицита липопротеинлипазы, и неоваскулген. Как видим, развитие генотерапии наталкивается на вполне прозаические препятствия – финансовые. Кроме того, сама генотерапия подчиняется тем же законам, что и терапия вообще, она использует для лечения лекарственные препараты, изменив только субстрат этих препаратов. Их клинические испытания проводятся по тем же правилам, что и испытания обычных лекарственных средств. Они так же помогают избавиться от болезни, но уже от той, от которой прививочные лекарства не помогают. Это, безусловно, расширяет возможности повышения качества жизни пациентов, но отнюдь не означает «совершенствования» человека.

Вывод 3. Применяемые ныне технологии «human enhancement» не являются принципиально новыми по сравнению с уже имеющимися в медицине. Они представляют очередной эволюционный этап в ее развитии. Поэтому вопрос о «новой морали» в связи с развитием этих технологий не стоит. Но основные принципы биоэтики, в связи с необходимостью нормативной регуляции более сильных средств воздействия на человека, активно закрепляются как нормы права. Кроме того, возникают новые этические задачи, аффилированные с внедрением конкретных технологий.

Заключение

Совершенный человек, как результат развития и внедрения технологий «human enhancement», будет существовать в системе ценностей, принципиально отличной от современной. Познать и понять эту систему ценностей мы не можем, т.к. пока находимся «на ступеньку ниже» в социальном времени. Но можно предположить, что он

а) не будет автономен как личность, поскольку принятие решений для него будет обеспечиваться технологическими программами,

б) главной ценностью для него будет не жизнеобеспечение, а технообеспечение,

в) понятие блага будет ассоциировано с расширением личных возможностей, но не в контексте совершенствования общества,

г) принцип справедливости может сохраниться, но как признание равной доступности новых технологий,

д) этический конфликт между креаторами и потребителями технологий вряд ли возникнет, поскольку эти социальные роли будут связаны по принципу комплементарности и, в оптимистичном сценарии, могут постепенно интегрироваться в одну – создателя самого себя. Пессимистичный сценарий был представлен выше при описании утраты автономии.

Существуют два варианта нравственной оценки индивида как результата применения указанных технологий. Оба прекрасно описаны братьями Стругацкими. Негативный вариант представлен третьим Кадавром профессора Выбегалло (повесть «Понедельник начинается в субботу») – «модель человека, удовлетворённого полностью» или Идеального человека, программу действий которого один из героев книги характеризует так: «Он загребёт все материальные ценности, до которых сможет дотянуться, а потом свернёт пространство, закуклится и остановит время».

Опасность существует, но существует и альтернативный путь совершенствования: не техногенное, а био- совершенствование, т.е. реализация природной программы саморазвития живого. Кстати, нечто подобное тоже описано у Стругацких в повести «Волны гасят ветер». Ее герои – «людены» – сверхлюди, они отличались от остальных некоей «третьей импульсной системой» в мозгу, активация которой и превращала их в сверхлюдей. Они могли все, или почти все, кроме одного – оставаться с людьми. Эмоциональная связь с близкими прервалась, людены покинули Землю, но так и не создали свое общество. Наверное, оно им было не нужно.

По сути, это оптимистичный вариант, хотя всегда грустно признавать, что совершенен кто-то другой, а не ты лично. Возможно, дискомфорт от осознания этого факта и мотивирует современных людей применять биоэтический принцип предосторожности в отношении к новым технологиям. В любом случае, биоэволюция при технологической поддержке оставляет надежду на сохранение преемственности в морали. Это подтверждается практикой технологических улучшений человека, о которой мы писали выше. К сожалению, для того, чтобы целенаправленно идти по пути биоэволюции, человечество не обладает пока достаточными знаниями, а коммерческие интересы требуют ускоренного прогресса технологий, но не фундаментальной науки.

Литература

1. Реймер М.В., Жура В. В., Сергеева Н.В. Благо пациента как предназначение медицинской деятельности//Биоэтика. 2012.№2. С. 18-21.
2. Лопастейский Д.С., Андреев Ю.М. Что думают студенты-медики об эвтаназии// Биоэтика. 2008. №1. С. 42-46.
3. Седова Н.Н. Биоэтика. Учебник для студентов медицинских вузов. М.: Изд-во «КноРус». 2016. С. 26 – 27.
4. Ribeiro, B. T. Coherence in Psychotic Discourse [Text] / B. T. Ribeiro. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1994.
5. Седова Н.Н., Навроцкий Б.А. Социальные субъекты технологий "совершенствования человека" как фактор риска их применения // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость/ Пятый Всероссийский Социологический Конгресс. Екатеринбург, 19-22 октября 2016 года. С. 368 – 380.

6. John Steward. Human Enhancement/<http://dujs.dartmouth.edu/2013/11/human-enhancement/> - .VyG1z_mLS00. Режим доступа 12.05.2016.
7. C. Elliott, "What's wrong with enhancement technologies?" (1998). CHIPS public lecture, Center for Bioethics at the University of Minnesota, 26 February, 1998.
8. Feinberg J. Harm to self. The moral limits of the clinical law, Oxford University Press, New York, 1986.
9. Dworkin G. Autonomy and informed consent // President's Commission (ed.), Making healthcare decisions (vol.3), US Government Printing Office, Washington D.C., 1982. -p.63-81.
10. Agich G.J. Reassessing autonomy in long-term care // Hastings Center Report. -1990. -V. 20. -N.6. -p.12-17.
11. Генетическое лекарство за 1,6 миллиона долларов вылечит безнадежных больных// <http://www.vesti.ru/doc.html?id=949661&cid=2161>. Режим доступа 12.07.2016.
12. Деев Р. В. Генная терапия в России: три года опыта//Химия и жизнь. 2013. №12// <http://elementy.ru/lib/432389>. Режим доступа 12.07.2016.

References:

1. Reymer M.V., Zhura V. V., Sergeeva N.V. Благо пациента как предназначение медицинской деятельности//Биоэтика. 2012.№2. С. 18-21.
2. Lopasteyskiy D.S., Andreev Yu.M. Chto dumayut studentyi-mediki ob evtanazii// Bioetika. 2008.#1. S. 42-46.
3. Sedova N.N. Bioetika. Uchebnik dlya studentov meditsinskih vuzov. M.: Izd-vo «KnoRus». 2016. S. 26 – 27.
4. Ribeiro, B. T. Coherence in Psychotic Discourse [Text] / B. T. Ribeiro. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1994.
5. Sedova N.N., Navrotskiy B.A. Sotsialnyie sub'ektyi tehnologii "sovershenstvovaniya cheloveka" kak faktor riska ih primeneniya // Sotsiologiya i obshchestvo: sotsialnoe neravenstvo i sotsialnaya spravedlivost/ Pyatyiy Vserossiyskiy Sotsiologicheskiiy Kongress. Ekaterinburg, 19-22 oktyabrya 2016 goda. S. 368 – 380.
6. John Steward. Human Enhancement/<http://dujs.dartmouth.edu/2013/11/human-enhancement/> - .VyG1z_mLS00. Rezhim dostupa 12.05.2016.
7. C. Elliott, "What's wrong with enhancement technologies?" (1998). CHIPS public lecture, Center for Bioethics at the University of Minnesota, 26 February, 1998.
8. Feinberg J. Harm to self. The moral limits of the clinical law, Oxford University Press, New York, 1986.
9. Dworkin G. Autonomy and informed consent // President's Commission (ed.), Making healthcare decisions (vol.3), US Government Printing Office, Washington D.C., 1982. -p.63-81.
10. Agich G.J. Reassessing autonomy in long-term care // Hastings Center Report. -1990. -V. 20. -N.6. -p.12-17.
11. Geneticheskoe lekarstvo za 1,6 milliona dollarov vyilechit beznadezhnyih bolnyih// <http://www.vesti.ru/doc.html?id=949661&cid=2161>. Rezhim dostupa 12.07.2016.
12. Deev R. V. Gennaya terapiya v Rossii: tri goda opyita//Himiya i zhizn. 2013. #12// <http://elementy.ru/lib/432389>

УДК 17.023

КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ ВЫБОР МЕТОДОВ В БИОЭТИКЕ

К.А. Петров

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины Волгоградского государственного медицинского университета, старший научный сотрудник отдела этической, правовой и социологической экспертизы в медицине Волгоградского медицинского научного центра, Волгоград, petersoncyril@yandex.ru

Статья посвящена анализу взаимосвязи методов в биоэтике и политики. Биоэтика не только формирует общество через сеть комитетов, но и сама испытывает на себе влияние политических процессов. Эта связь находит отражение в дискуссии о методах биоэтики. Невозможность создания единой системы методов в биоэтике связывается с множеством политик